

Исторические судьбы социалистической идеи

© 1990 г.

И. И. АНТОНОВИЧ

СОЦИАЛИЗМ НА ИСХОДЕ XX века

АНТОНОВИЧ Иван Иванович — доктор философских наук, проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор ряда книг по истории западной социологии. В нашем журнале опубликовал статью «Социодинамика власти» (1989, № 4).

Мы переживаем сегодня один из самых драматических периодов человеческой истории. Его знаменуют процессы глубоких революционных преобразований, охватившие социалистический мир и оказывающие серьезное воздействие на общественно-политическую жизнь всей планеты. Старый социализм умирает, новый рождается в великих муках, и, наверное, во многом он будет непохож на прежний, а кое-где и вовсе сменится «несоциализмом», более или менее категорическим отрицанием социалистических форм общественной организации.

"Несоциализм" конечно, не самый лучший и точный термин для обозначения такого вполне возможного поворота, однако, надо учесть, что нынешняя социально-историческая ситуация в Восточной Европе, находящаяся еще в стадии становления, когда одни структуры и отношения демонтированы, другие только возникают, когда разворачиваются неожиданные, сложные и динамичные события, не позволяет пока достаточно уверенно предсказать основные направления развития в этом регионе, исчерпывающе определить его содержание. Прямо или опосредованно эти важнейшие изменения связаны с перестройкой в СССР. Многие из них совершились помимо желания руководства социалистических стран, без какой-либо предварительной подготовки, по воле народных восстаний. Улягутся эмоции, страсти, тогда и наступит время углубленного анализа всего спектра проявившихся здесь общественных тенденций.

Но обратимся к нашей стране. Как и всякое революционное обновление, перестройка у нас породила ряд процессов, которые невозможно было предвидеть.

Объективная потребность преобразований всех сторон социально-экономического, культурного, политического и духовного бытия, осознанная сперва высшим эшелоном партии, как идея начала свое шествие сверху вниз — от руководящего центра к массам трудящихся. По мере обнаружения «железобетонного» догматизма общественной системы, ее неповоротливости к переменам, массовая инициатива, направляясь уже снизу вверх, существенно изменила акценты перестройки, наполнила движение

радикализмом, хотя заметных успехов достигнуть не смогла. Все требуют решительных действий, сетуя на то, что до сих пор нет достаточно целостной, всеобъемлющей концепции, способной ввести их в надежное и устойчивое русло. Общественная мысль по-прежнему занята выработкой наиболее острых определений наших прегрешений в прошлом, дело же стоит за созданием глубоко продуманного плана реальной конструктивной деятельности в настоящем и будущем. Политическая борьба, сопровождающая эту теоретическую неуверенность, зачастую скатывается к противопоставлению эгоистических интересов, забывая о надобности совместного поиска действенных средств переустройства общества. Идеино-теоретическое измельчание программ и платформ обновления все больше беспокоит как его сторонников, так и противников [1, 2].

Когда партия заявила в самом начале перестройки, что видит в ней продолжение дела Октября, то оно, это продолжение, предстало не как исторически линейное воспроизведение, закрепление на иной социальной основе утвердившихся прежде политических, идейно-теоретических и экономических принципов. Оно выразило себя как попытка сформировать новые общественные реальности, отличающиеся от сложившихся ранее, но вытекающие из самой логики Октября, смысла и пафоса, свойственных ему социально-преобразующих действий и устремлений, из социалистического идеала.

Далее, где-то на третьем году обновленческих процессов, случилось непредвиденное. Сама формула перестройки как продолжения дела большевиков вопреки первоначальным замыслам, ходом и размахом коренных преобразований получила прогностический и, пожалуй, даже пророческий аспект, означая собой не только признание необходимости восстановления преемственных революционных связей, некогда прерванных крайними, экстремальными методами строительства нашего общества, но и категорическое отвержение целого периода социализма, оказавшегося деформированным тисками административно-командной системы. А интенсивность, с которой в последующем общественные структуры братских социалистических стран ополчились против подобной же системы, укоренившейся и там, быстрота, с которой таковая была вскоре ими уничтожена, красноречиво говорят о ее неглубоких социальных, культурных, исторических корнях. Она давно уже существовала как глиняный монолит, без устойчивых базисных оснований, которому суждено было пасть от первого серьезного толчка снизу. На Западе сразу же заговорили об «историческом провале» коммунизма [3—5].

События, происходящие в социалистическом мире, высвечивают много новых обстоятельств, негативно повлиявших на его судьбы. Свидетельство ли это «провала» или, напротив, исторической способности социализма вырваться из мертвящих бюрократических пределов на новый, жизнеотворяющий ритм развития, предстоит решить истории. Пока же становится очевидным, что для отторжения административно-командного управления общество не заложило еще прочных организационно-социальных устоев, опираясь на которые можно было бы развернуть позитивную, созидательную, собственно социалистическую работу. Этим, на мой взгляд, объясняется драматизм, сопутствующий осуществляемым переменам: отсутствие сколько-нибудь весомых материализованных результатов, продолжающееся ухудшение положения в различных сферах социально-экономической жизни. «Плохие» общественные модели не меняются на «хорошие» автоматически. И те, и другие складываются в течение длительной исторической эволюции. Между тем, массовое требование скорых

перемен исходит, как представляется, из ложной предпосылки общественного сознания, будто достаточно иметь программу действий, и она расставит социальные силы по своим местам, мобилизуя на конкретные дела. Эта предпосылка — один из устойчивых теоретических предрассудков, продолжающих сохранять свое влияние.

Десятилетиями аппарат внедрял в общественную жизнь все новые и новые программы, мало заботясь о соответствии тех реальным ситуациям. Это способствовало постепенному завышению, идеологизации целей программ, превращению их в источник апологетики «непрерывного самосовершенствования» социализма, в средство демонстрации неуклонно сменяющихся этапов его развитости. В итоге они теряли всякую связь с социальной действительностью и поскольку реализованы быть не могли (да и самих авторов этих прожектов сие не столь уж интересовало), а уклониться от них было нельзя, в обществе возник гротескно-масштабный механизм имитации деятельности: общественные структуры, по ступенькам иерархии снизу вверх, докладывали об исполнении каждой из таких программ, фактически двигаясь в прежнем режиме и по прежним ориентирам, тогда как сверху вниз спускали очередные доктринерские схемы, достаточно отчетливо понимая, что многие из предыдущих остались невыполненными. Господствующей стала атмосфера взаимной лжи и обмана, главная черта которой — всепроникающая безнравственность, дискредитировавшая интеллект, глушившая ум, честь и совесть.

Ныне речь идет о качественном преобразовании основ материального и духовного производства, всех общественных отношений, которое позволило бы совершить переход от общества организованной несвободы к обществу личной свободы и инициативы. Иррационализм социального-мифотворчества глубоко враждебен этому процессу независимо от того, оформлен ли он в идеологические постулаты, общегосударственные программы или ценностные ориентации обыденного сознания. В этом кроется нравственная суть перестройки, ее социально-политическая и морально-этическая определенность. В истории подобный поворот от фальши практики и закрепощенности мысли к позитивному идеалу мирным путем не удавался целиком еще никому. Правда, и у нас в этом смысле получается далеко не все.

Продолжающаяся детериорация основных измерений социально-экономической жизни разочаровывает все слои населения. Не случайно оптимизм, надежды на перемены к лучшему сменились кое у кого неверием в свои силы и повсеместным распространением пессимистических настроений. Радикальная нетерпеливость, напористость в стремлении получить для себя лучшие условия распределения, вместо того, чтобы увеличить свой вклад в общественное производство, как и нечеткость основных социально-экономических ориентиров, неприемлемы для творческой работы. Они несут острую опасность перерождения гуманистических идеалов перестройки. Об этом предупреждают нас, кстати, зарубежные коллеги [6—7]. Отечественное обществоведение стыдливо обходит возникающие проблемы, предоставляет поле исследования для эмоциональных гаданий публицистики.

Нужен неотложный всесторонний социологический анализ сложившейся обстановки, но он может базироваться лишь на ясном понимании задач, решение которых предполагает постепенное, поступательное движение по всем основным социальным азимутам, осознание необходимости сверять каждый свой шаг с предварительно рассчитанными программами. Без единой программы кардинальных преобразований не обой-

тись. Иначе, рано или поздно, все усилия будут напрасны. Дело сейчас не только в теоретической взвешенности программ, но и в их корреляции с реальными социально-политическими условиями, ценностными ориентациями, потребностями действующих личностей, социальных групп и классов, с многообразием противоборствующих, чаще всего полярных интересов. Может быть, вся беда в том и состоит, что перестройка началась без достаточного научного обеспечения. Но величайшая потребность перемен просто не оставляла времени для ожидания теоретических разработок. К тому же, как оказалось, глубину и объем предстоящих изменений нельзя было предусмотреть никакой парадигмой.

Как только страна приступила к перестройке, ломке авторитарно-бюрократической системы, стало особенно очевидным, сколь многое в социалистическом обществе основано на силе и волюнтаризме и сохранялось наперекор чаяниям и интересам граждан, жизненным опытом и трудом которых создавался социализм. Игнорирование объективных общественных закономерностей, рациональной и нравственной целесообразности есть прямое наследие сталинизма. Оно — выражение и его крупнейшей геополитической ошибки, заключавшейся в том, что после второй мировой войны в восточноевропейских странах последовательно насаждалась модель общества, абсолютно идентичная получившей воплощение в Советском Союзе. Ее формалистический, бюрократически гнетущий, волюнтаристски-неумолимый характер был глух, равнодушен и даже враждебен конкретно историческим условиям развития этих стран, их культурно-национальному своеобразию, самобытным традициям.

Трагедия реального социализма в том и состоит, что иных форм исторического существования кроме административно-командной, он не знал и не знает до наших дней. Это создало серьезную угрозу выживанию нового строя на планете. Во всяком случае именно этим обстоятельством обусловлен испытываемый им глубокий кризис. Сегодня положение таково, что вместе с отказом от дискредитировавших себя принципов сверхцентрализованного руководства обществом, народы социалистических государств Восточной Европы начинают выражать обоснованное недоверие к способности коммунистических партий осуществить позитивные социальные преобразования. Как и предполагалось в ходе предварительных социологических исследований [8], результаты свободных выборов на многопартийной основе закрепили новое соотношение политических сил. Коммунисты и левые находятся теперь в оппозиции, располагая наименьшим количеством мест в парламентах.

Думается, наряду с субъективными причинами стагнации общества, сложившимися в СССР в 70-е годы и экспортированными практически во все социалистические страны, имеются и объективные, которые важно серьезно осмыслить. Это прежде всего социально-политические и исторические тренды, определившие столь долгий триумф сталинизма, и сам факт, что стало возможным повсеместно навязать административно-командные методы как единственно приемлемые в ведении государственных дел. Поскольку социализм утверждался почти везде отнюдь не на максимально благоприятной общественно-экономической почве, предусматриваемой учением основоположников марксизма, то не смог развернуть своих исторических преимуществ. Кое-кто на этом основании начинает сейчас сомневаться, присущи ли они ему вообще. И сомневающимся трудно что-либо возразить, потому что раз преимущества не были продемонстрированы, их историческую осуществимость доказать весьма непросто.

Незрелость производительных сил и невысокая развитость социально-экономических условий в странах, где строился социализм, заложили генетические дефекты его хозяйственного функционирования, вследствие которых он реализует себя не полностью, а усеченным образом, как общество недостаточной производительности в отличие от капитализма, развивающегося как общество избыточной производительности.

Ни в какой социалистической стране не удалось сколько-нибудь адекватно удовлетворить материальные и духовные потребности. В этом отношении ни одна из них не в состоянии была приблизиться к средним общемировым показателям. Медленно наращиваемый промышленный потенциал не сопровождался хотя бы таким же совершенствованием сферы потребления. Хронический товарный дефицит способствовал возрастанию ригоризма в распределении. Социализм сохранил принцип распределения по труду, но в атмосфере всеобщего дефицита право определять меру труда узурпировала бюрократическая элита, создавшая иерархическую структуру, посредством которой, несмотря на нехватку ресурсов, обеспечила себе предельно возможное удовлетворение потребностей. Уделом масс стал минимальный, постепенно сокращающийся объем благ и услуг, породивший в обществе чудовищное неравновесие полюсов качества жизни, питающий моральный упадок, пессимизм, неверие народа в социальную справедливость.

Этот механизм наша перестройка сломать пока не может, т. к. не обеспечила резкого роста общественной производительности. Если по Ленину производительность труда — главное, то нам следует признать, что с нерешенностью проблемы резкого ее возрастания вся программа перестройки обречена на неудачу. Неспешное повышение темпов производительности во всех сферах жизнедеятельности — свидетельство того, что экономические изъяны, внутренне свойственные современному социализму, не преодолены. Основную историческую миссию система, назвавшая себя социалистической, выполнить не сумела, отсюда ее крушение. В этом не только ее вина, но и беда.

Социалистические революции свершились не по правилам, предписываемым им марксистской теорией, а в условиях, когда коммунистическим партиям представился реальный политический шанс взять власть в свои руки. Разумеется, в России 1917 г. и восточноевропейских странах середины 40-х годов, революционеры действовали по-разному. Большевиками власть была взята в результате свержения Временного правительства путем октябрьского переворота, а затем легитимизации этого переворота в годы гражданской войны, расколовшей все общество надвое — на красных и белых, — и в суровом горниле которой первые, поддержанные широкими массами трудящихся, одержали верх над вторыми. Коммунисты же стран Восточной Европы пришли к государственному кормилу с помощью Советского Союза, его армии, разгромившей гитлеровскую Германию. РИ это обусловило иной характер победы народного строя — без раскола общества на два враждебных лагеря, без братоубийственных классовых битв, что и предопределило своеобразие, известную, так сказать, неровность, непоследовательность социально-политических процессов.

Некоторые исследователи склонны вообще отрицать как таковое само свершение революций в этих странах. Тема, вероятно, заслуживает отдельного разговора. Но не могу сразу же не подчеркнуть своей позиции: глубина общественно-экономических и политических преобразований, осуществленных здесь, несомненно требует признания их революционными.

Они неузнаваемо изменили социальный облик региона. Иное дело, что многие из выдвинутых коммунистами задач переустройства общества так и не суждено было реализовать. Отсюда акция отторжения порядков, сложившихся за последние годы.

Можно ли, однако, обвинять сегодня коммунистические партии социалистического мира в том, что они возложили на себя бремя политического лидерства? Убежден, делать этого нельзя. Партии рабочего класса для того и были созданы, чтобы во имя практического воплощения благородных идеалов человечества стремиться к руководству обществом. Анализировать беспристрастно и честно надо другое: почему, несмотря на все жертвы, принесенные в ходе борьбы за достойную жизнь людей труда, не удалось добиться полной реализации поставленных целей.

Если коммунистическим партиям государств Восточной Европы и Советского Союза и приходится стыдиться чего-то, то это периода «медократии», когда чиновничьи ухищрения, волею административно-господствующей элиты открывались пути установления авторитаризма посредственных личностей, когда отбор лучших из лучших фактически прекратился, когда в течение десятилетий выдвигались лидеры только через аппаратную карусель; на первый план выходили приспособленцы, искусно угождавшие вышестоящим инстанциям, не имеющие самостоятельного политического лица.

Эти агрессивные посредственности присваивали власть, фактически отнимая ее у партии для удовлетворения личных амбиций, погрязая в казнокрадстве, лихоимстве, пьянстве, nepотизме, кумовстве. Вина партий в том, что они ослабили свою политическую структуру, связь с массами, организованность, единство, целеустремленность до крайней степени, позволив разгуляться неуправляемым волюнтаристским силам. К сожалению, морально-психологический, интеллектуальный уровень среды, именуемой коммунистической, оказался ниже того, который характеризовал оппонентов из буржуазных и социал-демократических партий. Гипертрофированная же, механически и искусственно увеличиваемая численность рядов коммунистов сделала их аморфным образованием, не способным к политическому действию и влиянию. Это оставляло без контроля руководящее партийное ядро. Оно перерождалось из носителя исторической ответственности в группу властолюбцев, желавших прежде всего сохранить свою личную власть навеки.

Дорого заплатили коммунистические партии за случившееся — авторитет в глазах трудящихся был потерян. Горькую чашу им предстоит еще испить до дна, готовясь, возможно, к долгому пребыванию в оппозиции. Застой социализма, выразившийся в фактической приостановке процессов прогрессивных общественных преобразований, стал, так сказать, временем разбрасывания камней, что значительно подорвало его репутацию в мире. Теперь пришла пора собирать камни.

Оценим сегодняшнюю действительность. Факты не оставляют сомнений в том, что социализм создал такие общественные структуры, которые вопреки всем пережитым потрясениям достаточно устойчивы и в состоянии обеспечить ему существование на исторической арене. Вряд ли, скажем, экономическая и социально-политическая потребность будет толкать новое руководство социалистических стран к тому, чтобы полностью демонтировать общественную собственность на средства производства. Споры нет, взамен унитарной административно-командной системы государственного владения средствами производства скорее всего вырастет полиморфная, многоуровневая модель собственности, допускающая

различные ее виды — и личную, и частную, и кооперативную, и государственную. Вместе с тем социальная практика последнего времени, опрокидывая многие прогнозы, показывает, что общественная собственность на средства производства вполне реально может сохраниться как основа экономических отношений. Первые попытки денационализировать ряд отраслей производства, например, в Польше, натолкнулись на довольно упорное сопротивление общественности. Само господство общественной собственности на средства производства многими экономистами и социологами в Восточной Европе сейчас воспринимается как очевидный к целесообразный фактор [9]. В нем усматривается возможность определенной стабилизации общественных хозяйственно-политических структур в будущем не только в сфере производства, но и распределения.

Словом, не исключено, что социализм, отбрасывая административно-командную систему, возвращается к своим подлинным, естественным, разумным основаниям, и будет далее в каждой стране самовыражаться с полным учетом ее многообразия, противоречивости и индивидуальной неповторимости. Жизнь отвергла идеологизированный постулат, который исходил из неизбежности замены капитализма социализмом в мировом масштабе. И это порождает на земле более благоприятную политическую атмосферу для утверждения и развития нового общества в современных исторических условиях. Восстанавливая исконные естественно-исторические основания, социализму придется завоевывать доверие народов заново, а если точнее, то получить впервые. Ведь раньше он и не хотел, и не умел добиваться этого.

До сих пор здание социализма возводилось по принципу — от теории к действительности. Многое удалось совершить, что и привело на каком-то из ранних этапов его строительства к окостенению самой теории, к превращению ее в идеологию апологетики. Теперь предстоит обновить теорию на основании реального состояния социализма и переживаемого им кризиса, т. е. пройти обратный путь от реальности к теории, уточнить наши ценностные ориентации с точки зрения потребностей и надежд миллионных масс.

Такое уточнение, думается, может произойти в концептуальных рамках формулы, объединяющей общественные механизмы избыточной производительности и несовершенного распределения, выработанных капитализмом, с политическими, идейными и нравственными механизмами социальной справедливости, творимыми реальным социализмом, но не всегда обеспеченными достаточной общественной производительностью.

Здесь имеется в виду не идея конвергенции в том варианте, в каком она была запущена в теоретический оборот буржуазными идеологами в 60—70-е годы, обосновывавшими тенденцию поглощения одной системы другой — социализма капитализмом. Последний не способен сегодня поглотить социализм, не надорвав свои собственные общественно-экономические и организационные устои. Невозможен и обратный процесс. Тем более, что уже сама попытка взаимного поглощения чревата ядерным конфликтом, решительно отвергаемым народами. Речь идет о необычайном историческом синтезе, мыслимом не как плод произвола отдельных социально-политических кругов и партий, а как итог длительной общественной эволюции, в процессе которой коренные интересы, цементирующие мировое сообщество, получают превосходство над интересами классов, о формировании под этим господствующим знаком оптимальной модели будущего социального устройства.

Касаясь исторических перспектив нового общественного строя, М. С. Горбачев в статье «Социалистическая идея и революционная перестройка» говорит о наметившемся общецивилизационном направлении происходящих на планете изменений. «...Это дает основания предполагать,— подчеркивает он,— что сохраняя свои особенности, различные социальные системы развиваются в рамках, во все большей мере ограничиваемых приоритетом общечеловеческих ценностей, таких, как мир, безопасность, свобода, возможность для каждого народа определять свою судьбу. И мир социализма движется к общим для всего человечества целям в рамках единой цивилизации, не отказываясь от своих ценностей и приоритетов, а все более развивая и совершенствуя их на путях революционной перестройки, построения истинно человеческого общества на принципах разума и гуманизма» [10].

Да, в условиях, когда социализм и капитализм не противостоят друг другу, добиваясь одностороннего преимущества, возможен только подобный синтетический вариант, который снимает сущностную противоположность между ними и реализует исторические приобретения, обеспечивающие им совместное существование. Иного пути к качественно новому общественному состоянию нет. Именно он способен вывести народы на такой этап сотрудничества, где все стороны жизни обретут особое значение, будут взаимно дополнять и уравнивать друг друга. Разработка этой поливариантной, многоуровневой глобальной конструкции общечеловеческого взаимодействия и станет ответом теоретической мысли на вызов истории на исходе XX в.

Трудно сегодня предвидеть всевозможные повороты социально-исторического развития. Для детализации исходных теоретических выводов просто не хватает информационной базы. Надо изучать современность во всех ее разновидностях: не упуская из поля зрения ни капиталистический, ни социалистический, ни развивающийся мир. Нужен социальный портрет планеты, который может быть получен благодаря социологическому, социально-философскому, экономическому, политическому исследованию основных реалий эпохи.

Лишь на этой основе можно создать программу постепенной ликвидации наиболее острых проблем человечества в экологической, экономической и политической областях. Совершенно очевидно, однако, не все в предвидимом будущем будет идеальным и ни что не придет Само собой, ибо, повторюсь, история отработывает свои наилучшие варианты в ходе очень длительного эволюционного развития, на которое уходят целые столетия. Революционно-преобразующая деятельность во многом проявляет, корректирует, убыстряет и даже приостанавливает этот процесс, порой изменяя русло исторического движения, но само движение неумолимо и вечно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галбрейт Д. Почему правые не правы?//Сов. культура. 1990. 3 февр.
2. Буртин Ю. Ахиллесова пята исторической теории Маркса // Октябрь. 1989. № 11.
3. Brzezinski Z The Grand Failure. N. Y.: Basic Books, 1989 P 15-31; 32-48
4. Starr Д. Weltkomunismus. 1988/89 // Osteuropa. 1989. № 11-12. S. 1103-1108
5. Tismoneanli V. The Crisis of Marxist Ideology in Eastern Europe. London and New York: Macmillan and Co., 1989. P. 106-223.
6. Kerblay B. Gorbachev's Russia. N. Y.: Pantheon Books, 1989. P. 170-191.

7. *Sacks M., Pankhurst G.* Understanding Soviet Society. N. Y.: Atheneum, 1988. P. 110-155.
8. *Stimms M.* Die amerikanische Europa-Politik und die Ost-West Beziehungen // Außenpolitik und Weltgeschichte. 1980. № 45. S. 14-29.
9. *Ash T. G.* Revolution in Hungary and Poland//The New York Time Review. 1989. 12 August.
10. Правда. 1989. 26 нояб.